

ЭВФЕМИЗАЦИЯ КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИКИ ДЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ДЕТСТВА

А.Ю. Казакова

Аннотация. Рассматривается проблема деинституционализации детства как демократизации условий воспитанников интернатов за счет инклюзии. В коммуникативной сфере инклюзия выражается средствами речевого табу, эвфемии и «скорректированных» неологизмов. Ставится проблема соотношения между происходящими в стране изменениями в закрытом детском образовании и инклюзивной социальной и образовательной политикой. Замечено противоречие между переименованием интернатов в сторону эвфемизаций наименований, что должно было бы свидетельствовать о преодолении эксклюзии, и ее, тем не менее, сохранением. Делается вывод о необходимости более внимательного отношения общественности к процессам детской инклюзии.

Ключевые слова: детские интернатные учреждения; эксклюзия; инклюзия; деинституционализация; ликвидация; переименование; эвфемия; уровень политкорректности; коммуникативная установка.

Введение

Процессы, происходящие в России и связанные с сокращением закрытых интернатов для детей-инвалидов, а также с применением эвфемизмов для переименования болезни детей – воспитанников детских интернатных учреждений (ДИУ), актуализируют тему, взятую для исследования. Анализ названных процессов деинституционализации детства, т.е. снижения тотальности существования больных детей в условиях групповой изоляции, включает оценку состава детских групп, испытывающих режим исключения.

Замечены как позитивные, так и негативные стороны названных процессов. Так, при классификации и систематизации сведений о масштабах и видах институционального детства, получаемых из источников первичного учета, возникает методическое затруднение социолингвистической природы. Оно выражается в невозможности четко идентифицировать профиль и направленность детского образовательного учреждения или учреждения социальной защиты, если исходить из его эвфемистического наименования.

Эвфемия реализуется как метонимический троп, результатом применения которого становится вуалирование смысла, искусственное «затемнение» внутренней формы слов, а целью – соблюдение корректности в отношении тех групп детей, существование которых в режиме социальной эксклюзии представляется носителю коммуникативной

установки преимущественно или отчасти результатом стигматизации. **Проблема**, решению которой посвящена статья, возникает в лингвистической сфере. Лингвисты подчеркивают, с одной стороны, национально-культурную дифференциацию, с другой – универсальный характер эвфемии. Возникновение, существование и функционирование эвфемизмов в различных языках зависят от культуры народа, его истории, которые отражаются в каждом эвфемизме, вследствие чего темы и сферы, подвергающиеся эвфемистической замене, в каждом языке различны. «Избежать резких, бестактных, грубых и неприличных выражений не удается, если говорящий не будет в обязательном порядке эвфемизировать следующие четыре темы: 1) анатомия и физиология человека; 2) внешние данные человека; болезни; 3) сексуальные отношения между полами; 4) смерть», – пишет Н.С. Моховикова [1. С. 54]. Исходя из общей тенденции «выталкивать» из культурно-коммуникативного пространства семантическое поле болезни, физиологические нарушения, несоответствия эстетическому стандарту, можно ожидать, что эвфемизации чаще прочих будут подвергаться номинативы, в состав которых входят обозначения детской инвалидности.

Гипотеза статьи согласуется с наблюдениями известного специалиста в области социальной работы и педагогических практик преодоления эксклюзии Е.Р. Ярской-Смирновой. В работе «Социокультурный анализ нетипичности» [2] содержится имплицитное подтверждение того, что различия в темпах и устойчивости распространения политкорректных номинаций обусловлены особенностями не только субъекта (в частности, различным уровнем толерантности Запада и России), но и объекта. Коррекция названий развивается неравномерно в отношении разных групп детей: «...постепенно происходят демократические изменения... в самом языке. Слово *инвалид*... за рубежом сегодня уже практически выходит из употребления... его применение к людям с нетипичными внешностью и потребностями выступает как дискриминирующее их права... В современном русском языке понятие “инвалидность” постепенно вытесняется такими понятиями, как “ограниченные возможности”, “особые потребности”, “нетипичность способностей”, “особенности развития”. <...> В процессе начавшегося и развивающегося процесса деинституционализации сиротства... стигматизация сирот стала невозможной ни в нормативно-правовых актах, ни на уровне массового сознания. Из юридического употребления исчезло слово “сирота” (*orphan*), наибольшее распространение получило словосочетание “дети, находящиеся под опекой” (*children in care*)... государства» [Там же].

Статья не ставит задачу соотнести приживаемость корректных неологизмов с национально-культурными установками в отношении детских групп. **Задача** состоит в том, чтобы на основе первичного эм-

тического материала, который репрезентирует социальную структуру генеральной совокупности, выявить системность распространения и закрепления новых речевых тенденций в качестве обязательных или рекомендательных языковых норм. Задача конкретизируется в направлении выяснения, являются ли отмеченные структурные изменения в сегменте закрытого детского образования и воспитания продолжением инклюзивной социальной и образовательной политики.

Новизна решения проблемы состоит в систематизации этих сведений по обновляемому источнику первичного учета, поскольку даже на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики сведений о численности домов-интернатов и их воспитанников с 2013 г. не имеется [3].

Основное содержание

1. Социологическая выборка. Предпринимая указанную попытку, мы выявили структуру генеральной совокупности, предварительно создав базу ДИУ РФ путем загрузки 24.07.2014 г. данных электронного ресурса (<http://www.gdedetdom.ru>). Повторный анализ проблемы сиротства в России и обращение к указанному ресурсу в мае 2015 г. обнаружили существенную убыль воспитанников в результате массовой ликвидации ДИУ, сопровождающейся их хаотичными переименованиями. Так, из 4 319 функционировавших в России в июле 2014 г. ДИУ к маю 2015 г. ликвидировано 348 (8%), переименовано 93 (2%); абсолютная убыль воспитанников составила 1 177 человек (14 066 человек – в июле 2014, 12 889 – в мае 2015 г.). Естественными ротациями, связанными с отчислением воспитанников по истечении срока обучения или пребывания, убыль объясняться не может, поскольку учебный год к началу мая закончен не был. Ни в 2014, ни в 2015 г. данные по Республике Крым не рассматривались.

Результаты статистической проверки (обработка и анализ количественных данных осуществлены в 20-й версии программы IBM SPSS Statistic for Windows) с помощью одновыборочного критерия Колмогорова–Смирнова на уровне значимости 0,05 нулевых гипотез о нормальном характере распределений значений переменных «Сохранность ДИУ», «Переименование ДИУ», «Уровень политкорректности названия в июле 2014», «Уровень политкорректности названия в мае 2015», отклоненных со значимостью 0,000, свидетельствуют о неслучайности как процессов ликвидаций и переименований ДИУ, так и уровней корректировки их названий в 2014 и 2015 гг.

2. Ход исследования. Для оценки уровня корректности наименований ДИУ были приняты три градации. Первая – прямое наименование детской группы по признаку-стигме как отрицательного, так и положительного характера (например, «Школа-интернат № 1 для детей-

сирот с отклонениями в развитии», «Школа-интернат для глухих детей», «Детский дом № 9 русский», «Лицей-интернат (для одаренных детей)»). Вторая основана на эвфемизации с помощью терминов или современного «корректного» новоязия: «Белозерская школа-интернат спец.корр. 8ого вида», «Ейский реаб. центр для детей и подростков с огранич. возможностями», «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей», «Школа-интернат для детей с девиантным поведением». Наконец, третья градация – отсутствие эксплицитной дифференциации по признаку-стигме: «Сындарская школа с пришкольным интернатом», «Бородинский детский дом», «Дом детства “Родничок”». В названии профиль учреждения может неявно маркироваться с помощью аллюзий («МУЗ Детская городская больница № 3 “Нейрон”», «Красноборский детский дом “Гаврош”», «Детский дом-приют “Матронушка” при Иоанно-Кронштадтском женском монастыре»).

Отклонения от средних значений исходных уровней корректности наименований ДИУ на границе контрольного диапазона или даже за его пределами, представленные на рис. 1, показывают, что корректирование не зависит от «столичности» или «провинциальности», численности и плотности населения, аграрного или индустриального характера региона. Снизилось количество ДИУ в 2014 г. в Свердловской, Московской областях и Пермском крае, но их показатели «корректности» оказались в пределах контрольного диапазона; Чеченская Республика вошла в пятерку субъектов с наименьшей численностью как ДИУ, так и их воспитанников, но уровень прямых обозначений для нее оказался максимальным.

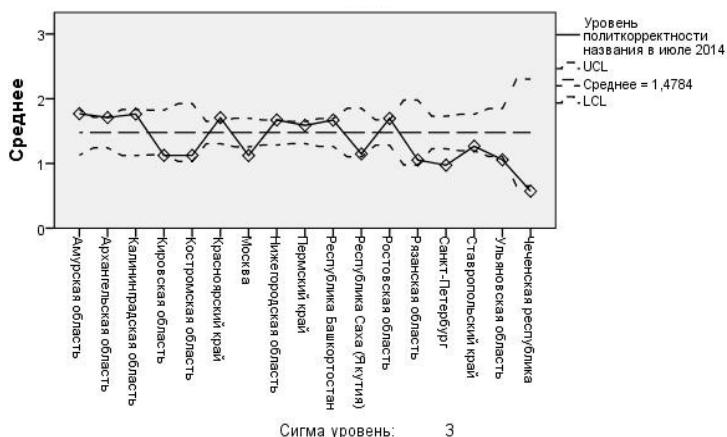

Рис. 1. Уровень скорректированности названий ДИУ в июле 2014 г.

В 2015 г. ликвидации и переименования в регионах происходят настолько неравномерно, что это не может объясняться случайными факторами специфики организационной ситуации конкретного ДИУ.

Диаграмма на рис. 2 демонстрирует выбросы за пределы контрольного диапазона (в 3 σ) вариации значений ликвидации ДИУ в регионах РФ.

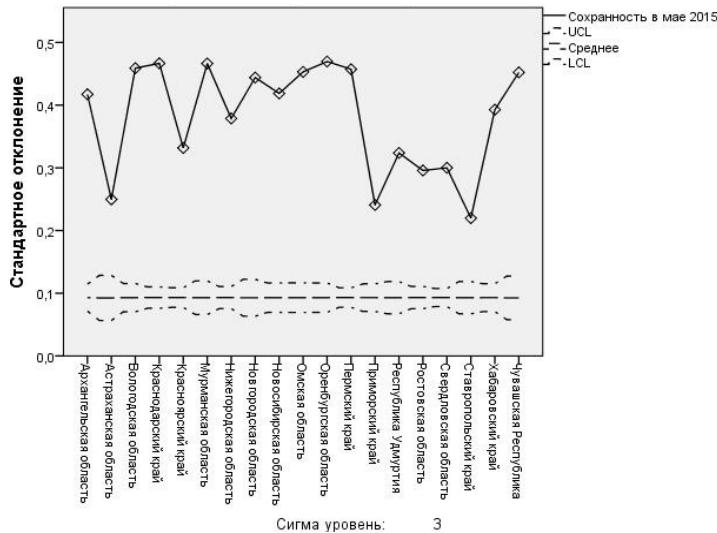

Рис. 2. Сохранность ДИУ в регионах РФ в мае 2015 г.

Как видим из рисунка, максимальен размах динамики в Краснодарском крае и Мурманской области, избавившихся соответственно от 32 и 31% своих ДИУ.

Ликвидация и переименование ДИУ тесно связаны. Значение двусторонней корреляции Пирсона для сгруппированных по 83 регионам РФ переменных частоты ликвидаций и переименований на уровне значимости 0,01 равно 0,697 со значимостью 0,000 показывает, что чаще всего оба процесса либо происходят одновременно, либо не происходят вовсе. Наряду с Мурманской областью, которая лидирует не только по ликвидации ДИУ, но и по их переименованию, мы наблюдаем (рис. 2, 3) регионы, у которых данные показатели рассогласованы (ликвидируют, не переименовывая, Чувашскую Республику, Приморский край, Оренбургскую и Новгородскую области; переименовывают не ликвидируя – Тюменскую, Иркутскую и Саратовскую области и Санкт-Петербург). Иными словами, помимо общих факторов динамики обоих показателей есть и нечто специфическое.

Как мы и ожидали, ликвидация и переименование для ДИУ медицинского и социального профиля действительно выглядят по-разному: социальные чаще ликвидируют и реже переименовывают, а медицинские реже закрывают, но чаще переименовывают (таблица).

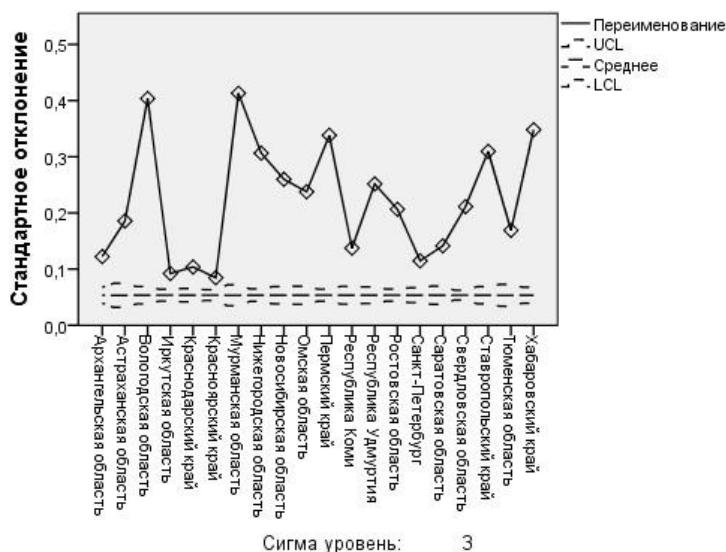

Рис. 3. Частота переименования ДИУ в регионах РФ в мае 2015 г.

Структурные изменения сети ДИУ по видам к маю 2015 г.

Биологические или социальные основания инкарцерации		Сохранность	Переименование
Медицинские + социальные	Среднее	0,96	0,04
	N	584	560
	Стандартное отклонение	0,2	0,2
Медицинские	Среднее	0,92	0,022
	N	1010	928
	Стандартное отклонение	0,28	0,15
Социальные	Среднее	0,910	0,021
	N	2 725	2 490
	Стандартное отклонение	0,28	0,14
Итого	Среднее	0,92	0,02
	N	4 319	3 978
	Стандартное отклонение	0,27	0,15

Вопреки нашим ожиданиям, в 2015 г. тактичность названий в целом не только не выросла, но даже несколько снизилась (рис. 4).

Во всей совокупности изменений названий ДИУ рост тактичности наблюдался в 16 случаях (около 17% переименований), убыль – в 35 случаях (36% переименований), но в основном (45 случаев, 47% переименований) он остался на прежнем уровне.

Сравнение семантики старых и новых значений (соотношение на рис. 5) позволяет выделить несколько групп переименований по интенции их субъекта (коллективного коммуникатора).

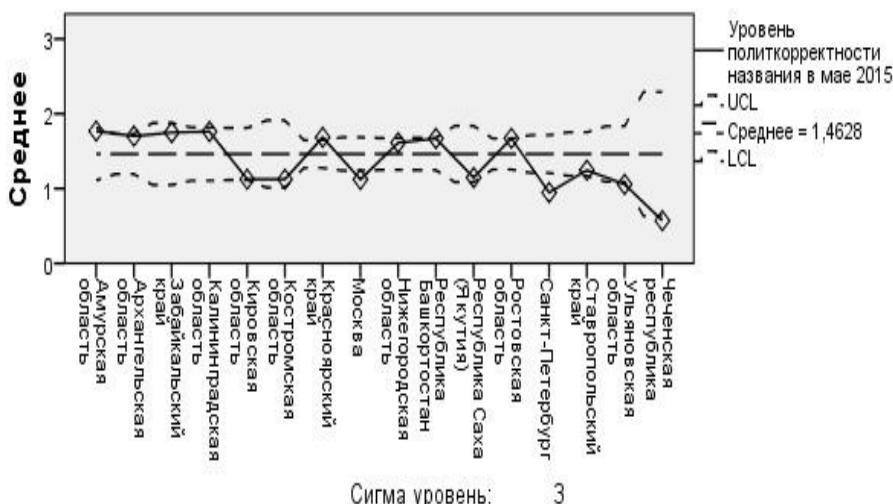

Рис. 4. Уровень скорректированности названий ДИУ в регионах РФ в мае 2015 г.

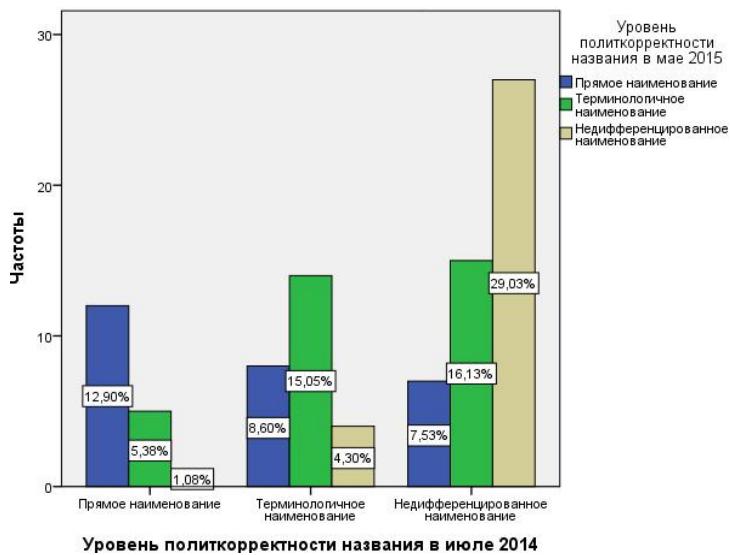

Рис. 5. Направления переименований ДИУ (2014–2015 гг.)

В целом перемены, вызванные реализацией инклюзивной коммуникативной установки, можно классифицировать следующим образом.

1. ДИУ, из названий которых в течение 10 месяцев исчезли прямые обозначения особенных свойств воспитанников, составившие 6,5% от всех переименованных, – это пять учреждений медицинского профиля и одно – социального. Тип изменений – рост семантической неопределенности, «размывание» предметного поля за счет таких видов

лексической трансформации по Я.И. Рецкеру [4. С. 88–89], как дифференциация значений (вместо «Школа-интернат спец. корр. для слабовидящих детей областная» – «Нижегородская областная специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат III–IV вида»), модуляция (вместо «Сокольский детский дом-интернат для умственно отсталых детей» – «Психоневрологический интернат “Сосновая Роща”»), генерализация (вместо «Школа-интернат для детей-сирот» – «Харовский детский дом»). Сюда же могут быть причислены 4,3% случаев переименований, когда терминологическое обозначение воспитанников было заменено на недифференцированное или более «широкое» терминологическое; все они произошли в медицинских ДИУ и выразились в генерализации («Детский дом № 3 спец.корр. 8ого вида» заменено на «Специальный (коррекционный) детский дом № 3 для детей с ограниченными возможностями здоровья») или целостном преобразовании смысла («Детский дом № 3 спец.корр. 8ого вида» превращено в «Центр помохи детям, оставшимся без попечения родителей, города Вологды № 1»). Эти совокупные 11% случаев действительно можно считать результатом лингвосоциокультурной установки на внедрение инклюзии.

2. Наибольшую долю (29%) составили случаи «гиперкорректизмов»: недифференцированное ранее название в итоге переименования было заменено другим недифференцированным, терминологичное – другим терминологичным. Например, «Спец. корр. школа-интернат для неслышащих детей (дошк. отд.)» стала называться «Школа-интернат для детей с нарушениями слуха». Определение «с нарушениями слуха», по-видимому, – «перестраховка» во избежание бесактного именования детей «неслышащими», которое несколько ранее употреблялось как мягкая альтернатива прямому обозначению «глухой». Характерно, что в названии уничтожаются эксплицитные маркеры не только негативной, но и позитивной стигмы. Так, «Детский дом № 7 эстетического воспитания» превращается в обычный «Детский дом № 7 г. Таганрога».

3. В 9% случаев терминологическое наименование заменилось прямым с помощью уточнения. Например, вместо «Специальная (коррекционная) школа-интернат № 5» – «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат № 5 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с ограниченными возможностями здоровья», вместо «Тарская специальная (коррекционная) школа-интернат VIII вида» – «Тарская специальная (коррекционная) школа-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с ограниченными возможностями здоровья». В основе подобных замен тоже может лежать неудачно реализованная «инклузивная» установка [5. С. 79–82]: в языковом сознании коммуникатора неудобной, сензитивной темой выступает инвалидность, но не сиротство.

В результате первый признак последовательно вытесняется, второй – подчеркивается. При замене недифференцированных наименований прямыми чаще всего (4 случая, 4,3% от общего количества переименований) наблюдается та же ситуация: вместо «Детский дом-школа № 9» – «Центр помощи для детей-сирот “Наши дети”», вместо «Детский дом-школа № 27» – «Центр для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, № 27 Колпинского района», вместо «Мурманский детский дом» – «Центр содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, “Журавушка”».

4. Осуществлялась и конкретизация смысла с одновременным ограничением его доступности неспециалистам (движение от недифференцированного наименования к терминологическому). В Нижегородской области ДИУ г. Балахны из «школы-интерната» превращается в «специальную (коррекционную) школу-интернат VI вида», а в Дзержинске – в «специальную (коррекционную) школу-интернат VI вида»; в городах Пермь и Березники Пермского края два учреждения с названиями «Детский дом № 1» и «Детский дом № 2» единообразно переименованы в «Коррекционный детский дом» (уже без номеров).

5. Почти в 13% случаев прямые названия заменяются на другие прямые наименования; все относятся к медицинским учреждениям. Происходит конкретизация смысла – «Областной спец. дом ребенка (органич. поражения ЦНС)» заменяется на «Областной специализированный дом ребенка для детей с органическим поражением центральной нервной системы с нарушением психики» – или целостное преобразование смысла: «Школа-интернат № 1 для детей-сирот» дополняется целой цепочкой признаков в новом названии «Специальный (коррекционный) детский дом № 5 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с ограниченными возможностями здоровья VII вида». В отдельных случаях новое название («Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат для незрячих и слабовидящих детей») звучит жестче, чем до переименования («Школа-интернат спец. корр. (нарушения зрения)»). Эти переименования, очевидно, мало содействующие социокультурной интеграции инвалидов, порождаются, таким образом, какими-то внеаксиологическими причинами.

О том же говорят и итоги непараметрической проверки случайности / неслучайности ликвидации или переименования ДИУ в зависимости от уровня исходной (в 2014 г.) «корректности» их названий. Эти итоги (рис. 6) показывают на уровне статистической значимости 0,05, что сохранность некоторым образом связана с исходным названием, но на переименование оно абсолютно не влияет. В наибольшей степени ликвидация затронула именно ДИУ с недифференцированными обозначениями контингента (56%), и хотя сохранность этой группы ДИУ среди всех продолжающих функционировать наибольшая (61%). В це-

лом ни ликвидированные, ни сохранные учреждения значимо не отличаются друг от друга с точки зрения соответствия или несоответствия их названий нормам «этикета инклюзии».

Итоги по проверке гипотезы

Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1 Распределение Сохранность в мае 2015 является одинаковым для категорий Уровень политкорректности названия в июле 2014.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,010	Нулевая гипотеза отклоняется.
2 Распределение Переименование является одинаковым для категорий Уровень политкорректности названия в июле 2014.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,178	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Рис. 6. Итоги проверки нулевых гипотез о случайности различий между сохранными / ликвидированными, переименованными / непереименованными ДИУ в зависимости от тактичности их названий в 2014 г.

3. *Причины переименования и реструктуризации сети ДИУ.* Таким образом, сама коммуникативная установка переименований не совсем соответствует задаче преодоления эксклюзии. Какими именно соображениями вызваны переименования и реструктуризация сети ДИУ, выяснялось путем корреляционного анализа переменных, характеризующих внешнюю социальную среду, в которой функционирует (-овал) ДИУ.

Ранговый корреляционный анализ показывает, что 51% разброса значений признака ликвидации или сохранности ДИУ объясняется размером организации (то Спирмена = 0,513 со значимостью 0,000 на уровне значимости 0,01): чем она крупнее, тем выше ее сохранность. При этом дисперсионный анализ (статистика Ливиня 19,02 со значимостью 0,00, F-критерий 139,877 со значимостью 0,00) свидетельствует, что учреждения «медицинского» профиля, пребывание в которых обусловлено дефектами физического и / или умственного развития, являются более крупными.

Принятие решения о ликвидации ДИУ не зависит от его расположения в сельской или городской местности, хотя переименования случаются в городах несколько чаще. Сохранность связана крайне слабой, но статистически значимой обратной связью с наличием у детских учреждений специальных образовательно-воспитательных программ (ранее профилирование). Чем выше сохранность, тем реже встречаются эти программы. Такая тенденция прямо противоречит официальной установке Министерства образования, изложенной в письме от 1.09.2014 г. № ВК-1850/07 «О реструктуризации и реформировании

организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и совершенствовании сети служб сопровождения замещающих семей» [6]. Согласно данному письму находится под надзором в образовательных организациях дети-сироты должны только «при условии, что невозможно организовать получение детьми дошкольного образования, начального общего, основного общего, среднего общего образования в близлежащих дошкольных образовательных организациях и общеобразовательных организациях», а также при наличии у школы-интерната уникального педагогического опыта и опыта подготовки к поступлению «в образовательные организации высшего образования (в этом случае целесообразно рассматривать возможность изменения контингента обучающихся школы-интерната, в частности, за счет приема для обучения в школу-интернат детей, имеющих родителей)» [Там же].

Скоринг показывает высокую надежность (0,79) предсказательной модели уровня корректности новых названий, построенной на основе диахотомии «биологические – социальные основания инкарцерации». И действительно, между переименованиями медицинских и социальных ДИУ наблюдаются существенные различия. Снижение тактичности выразилось в увеличении частоты прямых и терминологичных наименований ДИУ, предназначенных прежде всего для детей-инвалидов. Общую тенденцию, отраженную диаграммой рассеяния на рис. 7, можно сформулировать так: динамика уровня политкорректности названия ДИУ обратно пропорциональна дееспособности (адаптивному потенциальному) его контингента.

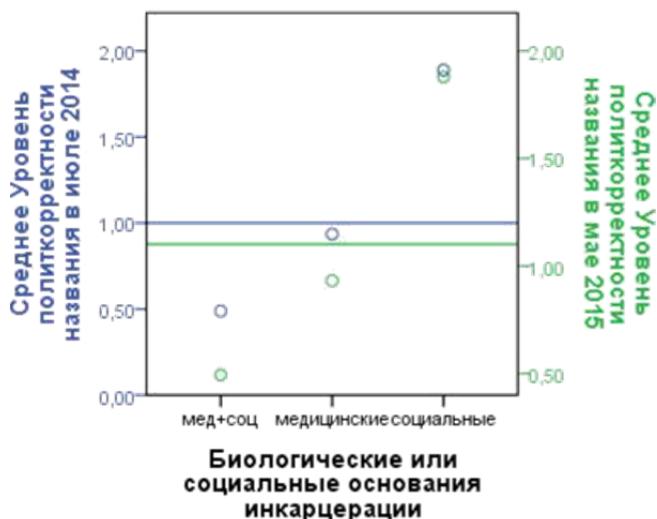

Рис. 7. Уровень политкорректности названий ДИУ в регионах РФ в мае 2015 г.

Заключение

Основной вывод состоит в том, что текущие переименования ДИУ в регионах – это адаптация к изменениям образовательной политики, которая не всегда обусловлена идеологией инклюзивного образования. Она достигается двумя способами. В случае детей с ограниченными возможностями и инвалидностью – за счет акцентирования в названии стигматизирующего признака и аргументирования потребности региона в специализированном закрытом детском учреждении. В случае детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – за счет копирования внешней атрибутики учреждений иного типа. Так, при неизменности содержания, контингента, принципов работы и системы педагогических отношений детские дома и школы-интернаты массово становятся «комплексными центрами социального обслуживания» или «центрами содействия семейным формам устройства» с воспитанниками. Выявленная ситуация требует дальнейшего теоретического исследования и практического внимания.

Литература

1. **Моховикова Н.С.** Функционирование эвфемизмов китайского языка в зеркале русского языка (на материале тематической группы *смерть*) // Филология и культура. 2015. № 1 (39). С. 54–59.
2. **Ярская-Смирнова Е.Р.** Социокультурный анализ нетипичности. Саратов : СГТУ, 1997. 100 с. URL: http://socpolicy.ru/wp-content/uploads/2010/07/SociokultAnaliz_Netipichnosti.pdf (дата обращения: 25.05.2015).
3. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/i-obr1.htm (дата обращения: 20.05.2015).
4. **Рецкер Я.И.** Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода // Лингвистические аспекты теории перевода: хрестоматия. Ереван : Лингва, 2007. 307 с.
5. **Гудков Д.Б.** Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : ИТДГК «Гnosis», 2003. 288 с.
6. **Письмо** от 1 сентября 2014 г. № ВК-1850/07 О реструктуризации и реформировании организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и совершенствованию сети служб сопровождения замещающих семей. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.11.2014).

POLITICAL CORRECTNESS AND EUFEMIA AS A PART OF POLICY OF DE-INSTITUTIONALIZATION OF CHILDHOOD

Kazakova A.Y., Ph.D. in Sociology (Kaluga, Russia). E-mail: kazakova.a.u@yandex.ru

Abstract. Deinstitutionalization of the childhood is a reduction of boarding schools, the number of their pupils, democratization of conditions of socialization at the expense of inclusion. In the communicative sphere inclusion is expressed by means of a speech step: the tabooed words and expressions, euphemia, “politically correct” neologisms. Having fixed the elimination and renaming of the institutions in the regions of the country, the author tried to find out whether structural changes in the segment of the closed children’s education and upbringing

were continuation of inclusive social and educational policies. If “Yes”, then the tolerance to the previously excluded, rejected, alienated groups due to the democratization of society should be expressed in expanding the scope of their social participation and in the growth of “political correctness” of names in communicative sphere. However, statistical analysis of the frequency of liquidations and character of renames of orphanages in Russia in 2015 shows that the very communicative intention of renaming is in direct conflict with the goal of overcoming exclusion or it does not correspond at all. So both processes are not so much part of the ideological fight against exclusion, as the self-preservation response of educational system in the form of social mimicry.

Keywords: residential children’s institutions; exclusion; inclusion; deinstitutionalization; recovery; rename; Eufemia; the level of political correctness; the communicative setting.

DOI 10.17223/19996195/32/2